

УДК 81

Л. В. Коковина

**ЯДЕРНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
УВЕРЕННОСТИ / НЕУВЕРЕННОСТИ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВЫЕ ДУШИ» И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ
В ТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА**

Рассматриваются вводные слова и частицы как один из способов передачи частного значения субъективной модальности – уверенности / неуверенности говорящего в сообщаемом в тексте поэмы – и их эквиваленты в текстах английского перевода; устанавливается степень их адекватности.

The article deals with parentheses and particles as one of the ways of expressing certainty and uncertainty in Russian and their equivalents in English. The research is based on the poem by N. Gogol "Dead Souls" and its two translation versions.

123

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, микрополе, экспликатор, адекватность, эквивалент.

Key words: modality, subjective modality, semantic field, explicator, adequacy, equivalent.

Исследования последних лет показали, что интерес к изучению такой сложной семантической категории, как модальность, не только не ослабевает, но, напротив, постоянно растет. Важно отметить, что «сложность и многоаспектность содержательной природы модальности неизбежно порождает множество самых различных ее квалификаций, заставляя противоречащих друг другу» [3, с. 25].

Вслед за С. С. Ваулиной мы квалифицируем языковую модальность как «широкую семантическую категорию, состоящую из двух содержательно разнородных пластов – пропозиционального (онтологического) и прагматического (гносеологического); пропозициональная модальность (в иной терминологии модальность диктума) прямо и непосредственно связана с актуализацией обозначаемого (номинируемого) события, а прагматическая модальность (то есть модальность модуса) – с прагматической оценкой сообщения об этом событии» [2, с. 17].

В зависимости от того что подвергается оценке (внеязыковая действительность или само высказывание), выделяют соответственно два типа модальности: объективную и субъективную. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений весьма разнообразны: интонационные и грамматические конструкции; лексические средства, определенным образом взаимодействующие с интонацией и словорасположением; частицы, вводные слова и группы слов, междометия. Специфическим качеством указанной системы средств выражения является то, что все эти средства, как правило, тесно взаимосвязаны друг с другом [5, с. 91].

Совершенно очевидно, что столь широкий спектр субъективно-модальных значений порождает интерес ученых к проблемам сопоставления этих значений в разных языках.

В данной статье рассматриваются способы выражения частного значения субъективной модальности – уверенности / неуверенности говорящего в сообщаемом. Помимо этого изучается вопрос о степени адекватности представления русских средств, актуализирующих упомянутую модальную семантику, в тексте английского перевода. Материалом для исследования послужила поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» и две версии ее перевода, опубликованные в разное время.

Следует отметить, что способы выражения модального значения уверенности / неуверенности говорящего в сообщаемом чрезвычайно разнообразны и включают как лексические, так и синтаксические средства. Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на всех способах, представленных в поэме, поэтому объектом нашего рассмотрения стали наиболее репрезентативные средства, а именно вводные слова и частицы. Начиная анализ с языковых экспликаторов, составляющих модальное микрополе уверенности, напомним, что «вводные конструкции со значением уверенности употребляются главным образом для подтверждения сообщения о том или ином факте, который воспринимается автором и должен быть воспринят читателями как нечто закономерное, само собой разумеющееся» [4, с. 202].

Ядро микрополя уверенности в тексте поэмы представляют вводные слова *точно, конечно, разумеется*. В данной цепочке наибольшего внимания заслуживает слово *конечно* как самый частотный экспликатор модального значения уверенности. В английских переводах применяется прямой эквивалент *of course* (как правило, им пользуется второй переводчик) или близкие аналоги, например *naturally*. Ср.: «Хотя, *конечно*, – они лица не так заметные, и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные» (325)¹; «*Naturally*, they were not persons of much note, but merely what folk call characters of secondary, or even of tertiary, importance» (I, 17)²; «Although as characters they are not, *of course*, so prominent, but are rather what is called secondary or even tertiary» (II, 19)³.

Иногда в текстах перевода лексема *конечно* трансформируется в союз *yet* – «однако, всё же», что снижает уверенность высказывания, хотя следует отметить: по степени эмоционального воздействия это довольно сильный союз, поскольку он употребляется в тех случаях, когда нужно сообщить дополнительный факт, сильно контрастирующий со сказанным ранее. Ср.: «*Конечно*, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий» (330); «*Yet* it may be remarked that a household requires other pursuits to be engaged» (I, 23); «*Of course*, it could be noted that in a house many other things need attending» (II, 27).

¹ Здесь и далее цит. по: Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. В круглых скобках указывается номер страницы, с которой взята цитата.

² Здесь и далее первый вариант перевода цит. по: Gogol N. Dead Souls / transl. by D. J. Hogardh. N. Y., 2003. В круглых скобках после римской цифры I указывается номер страницы, с которой взята цитата.

³ Здесь и далее второй вариант перевода цит. по: Gogol N. Dead Souls / transl. by R. A. Maguire. L., 2004. В круглых скобках после римской цифры II указывается номер страницы, с которой взята цитата.

Еще один прием перевода лексемы *конечно* – грамматическая замена: в приводимом ниже примере вводное слово меняется на конструкцию *as... as* с качественным прилагательным после первого *as* и другим прилагательным или квалифицирующей фразой после второго *as*. Значение уверенности снижается, высказывание носит описательный характер. Ср.: «...хотя чубарому коню, *конечно*, хотелось бы выслушать что-нибудь наставительное...» (358); «...although the skewbald was *as ready as usual* to listen to conversation of a didactic nature...» (I, 54); «...although the dappled horse would *of course* have liked to hear some edifying...» (II, 64). Приведем еще один пример грамматической замены: экспликатор *конечно* меняется на прилагательное *accustomed to* в сочетании с глаголом *be* – «привыкнуть к чему-либо». Повторяемость действия имплицитно подразумевает значение уверенности, перевод можно рассматривать как адекватный. Ср.: «Он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торговцем, *хотя, конечно*, в душе поподличает в меру перед первым» (349); «...for his tone in speaking to a millionaire differs but little from that which he employs towards a small tobacconist – and that in spite of the circumstance that he *is accustomed to* cringe in spirit before the former» (I, 44); «He will start speaking in almost the same tone of voice and the same language to a millionaire and to a humble peddler of tobacco, although, *of course*, in his heart he will duly fawn on the former» (II, 52).

В текстах перевода экспликатор *конечно* может иногда репрезентироваться идиомами, в последующей цитате он представлен словосочетанием *for one* – «например, что касается». Оно употребляется для усиления, пропозициональная часть звучит более уверенно с точки зрения говорящего, что вполне соответствует русскому *конечно* или *наверняка*. Ср.: «Тогда, *конечно*, деревня и уединение имели бы очень много приятностей» (333); «I mean is that, were that sort of thing possible, I, *for one*, should find the country and an isolated life possessed of great attractions» (I, 26); «Then, *of course*, the country and solitude would have a great many pleasant things to offer» (II, 30).

Проведенный контекстуальный анализ свидетельствует о том, что второй переводчик при переводе экспликатора *конечно* в большинстве случаев (и во всех представленных выше примерах) пользуется прямым эквивалентом *of course*; в то время как первый – не только прямыми эквивалентами, но и аналогами или близкими соответствиями, демонстрируя скорее интерпретацию текста оригинала, чем перевод в традиционном смысле этого слова.

В центре модального микрополя неуверенности находится вводное слово *кажется*. В текстах перевода ему соответствует прямой эквивалент *seem* или близкий аналог *appear* – «кажется». Ср.: «Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, *казалось*, хотел ему вскочить в глаза» (334); «Upon this the tutor concentrated his attention upon Themistocleus, and *appeared* to be trying hard to catch his eye» (I, 27); «Here the tutor directed his full attention to Themistocleus and *seemed* ready to bore through his eyes into his head» (II, 31).

Контекстуальный анализ исследуемых примеров также показал, что иногда переводчики используют лексемы с несколько другим значением, чем русское «кажется». Ср.: «О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить» (320); «Of himself, however, the traveler had spoken little» (I, 11); «The newcomer avoided talking very much about himself, or so it seemed» (II, 11). Во второй версии перевода мы встречаем уже ставший нам привычным глагол *seemed*, точнее его интерпретированную версию *so it seemed* — «как это казалось». Первый переводчик использует наречие *however* — «однако», которое имеет значение противопоставления.

Таким образом, как мы видим из приведенных примеров, второй переводчик применяет при переводе русского вводного слова *кажется/казалось* в его модальном значении прямой эквивалент, а именно глагол *seem*. Второй переводчик либо вообще избегает перевода вышеуказанного глагола, либо пользуется эквивалентами, по семантике отстоящими дальше от лексемы *казаться*, что делает первый вариант перевода категоричнее, передающим большую уверенность автора в его высказываниях. В результате адекватность перевода нарушается.

Обращаясь к анализу частиц, представленных в тексте поэмы, следует напомнить, что в целом наличие их большого количества — одна из основных особенностей грамматического строя русского языка. Частица в нем выделяется в самостоятельную часть речи, но, как справедливо отмечает Н. Ю. Шведова, не имеет собственного лексического значения. То, что традиционно называется значением частицы, выводится из модального значения того построения, в состав которого она входит [6, с. 99].

В тексте поэмы «Мертвые души» построения с модальными частицами, выражающими значения уверенности и неуверенности, занимают достаточно большой объем. Одним из таких построений являются вопросительные предложения. В русском языке это могут быть «типы вопросов, которые в эксплицитной или имплицитной форме содержат пропозитивную часть» [1, с. 158] или «предположительно-вопросительные высказывания, первая часть которых выражает предположение или мнение говорящего, а вторая часть, имеющая вопросительную интонацию, содержит апелляцию к слушателю, вовлекая его в обсуждение выдвигаемой говорящим гипотезы» [1, с. 162]. В английском языке аналогичную функцию выполняет разделительный вопрос (*disjunctive or tag question*). Следует обратить внимание на то, что в русском языке в подобных вопросах часто присутствуют такие частицы, как *разве*, *неужели*, *что ли* и т. п. Это частицы со значением сомнения, предположения. Ср.: «Что ж, *разве* это для вас дорого?» (392); «Yes. Is that too much for you?» (I, 91); «What's the matter, is that too high for you?» (II, 112). Представленные примеры показывают, что в текстах перевода использован прием логической трансформации. Частица *разве*, например, передается с помощью комбинации слова *high* — «высокий» и наречия *too* — «слишком», что можно рассматривать как адекватную замену. Частица *что ли* при переводе не сохраняется. Утверждение звучит категорично и уверенно, адекватность перевода нарушена.

Помимо вопросительных предложений с частицами *разве; неужели; что ли; (не) правда ли*, что текст поэмы содержит довольно много вопросов с частицей *же (ж)*. Ее перевод представляет большую трудность, поскольку в английском языке нет прямых эквивалентов этой и другим частицам. Поэтому если при переводе других модальных лексем мы находим точки соприкосновения у обоих переводчиков (иногда они пользуются аналогичными приемами), то при переводе частиц таких точек практически нет. Переводчики очень индивидуально решают поставленные перед ними переводческие задачи и принимают собственные решения.

Таким образом, проведенный анализ ядерных экспликаторов микрополей уверенности / неуверенности в контексте вводных слов показал, что самые репрезентативные лексеммы — *конечно* (уверенность) и *кажется* (неуверенность). В большинстве случаев русские экспликативы имеют прямые эквиваленты или близкие аналоги в текстах английского перевода. Помимо того переводчики используют приемы лексико-грамматической трансформации и целостного преобразования. Перевод частиц, актуализирующих вышеуказанные модальные значения, осуществляется с помощью функциональных эквивалентов, представляющих единицы разных языковых уровней, а именно наречия, местоимения, союзные слова и выделительные структуры. Это еще раз служит дополнительным подтверждением того, что модальность, особенно субъективная, является сложной семантической категорией, и средства ее выражения при переводе на другой язык требуют от переводчика значительного мастерства.

Список литературы

1. *Беляева Е.И.* Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 157–170.
2. *Ваулина С.С.* Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
3. *Ваулина С.С., Кукса И.Ю.* Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25–34.
4. *Кукса И.Ю.* Средства выражения субъективно-модальных значений в газетных текстах XVIII века (на примере значения уверенности / неуверенности) // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 200–205.
5. *Русская грамматика* : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
6. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.

Об авторе

Лариса Викторовна Коковина — ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: larisa.kokovina@mail.ru

About author

Kokovina Larisa — senior lecturer, I. Kant Baltic Federal University.
E-mail: larisa.kokovina@mail.ru